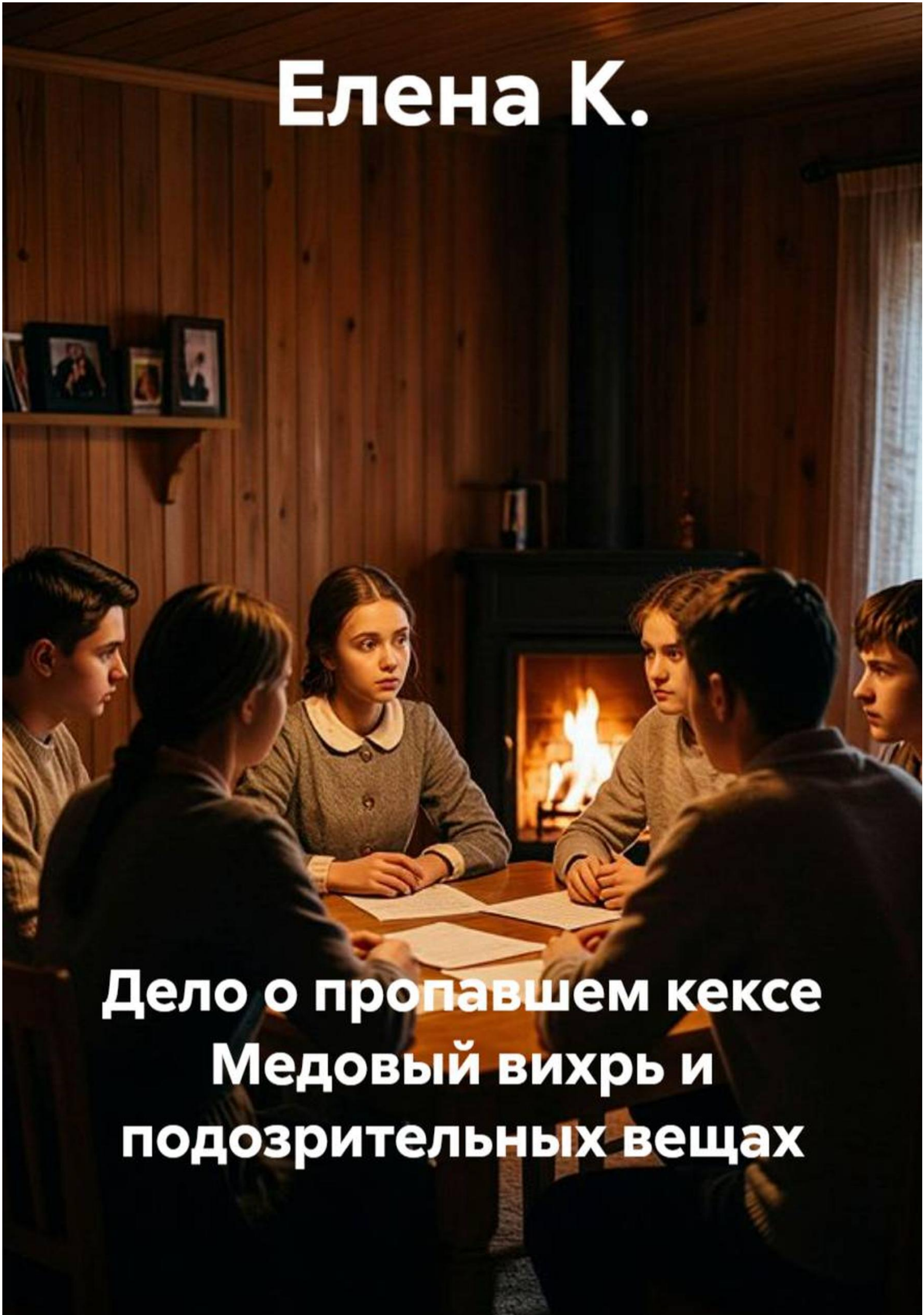

Елена К.
Дело о пропавшем кексе
Медовый вихрь и
подозрительных вещах

Елена К.

Дело о пропавшем кексе Медовый вихрь и подозрительных вещах

«Автор»
2026

К. Е.

Дело о пропавшем кексе Медовый вихрь и подозрительных вещах / Е. К. — «Автор», 2026

Уютный деревенский детектив с щепоткой тепла и морем человечности. В Залесье нет громких преступлений. Юное «Бюро» во главе с любознательной Зиной и её друзьями берётся не за погони и перестрелки, а за самое сложное — распутать клубок людских историй, где каждая пуговица и каждое письмо — улика, хранящая чью-то судьбу. Расследование здесь — это бережное прикосновение к памяти: шаг за шагом герои собирают прошлое, чтобы оно не растворилось в тишине. Добавьте к этому ироничного кота консультанта, ворчливого, но доброго краеведа и целую галерею колоритных жителей — и получится детектив, который греет душу. Для тех, кто любит загадки с человеческим лицом и верит, что самые важные тайны — это чьи-то забытые мечты.

© К. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора. Маленькая оговорка — и большое спасибо! 6
Глава первая. «Утро в Залесье, или, почему даже тишина бывает подозрительной» 7
Глава вторая. «О дисциплине в выпечке и том, почему крошки — это улика» 10
Глава третья. «Теория заговора от Надежды Васильевны, или, как один кусочек кекса может изменить ход расследования» 12
Глава четвёртая. «О противнях, подозрительных покупках и том, почему в Залесье даже гвозди имеют характер» 15
Глава пятая. «Как судить десерт, которого нет, или Искусство компромисса позалески» 18
Глава шестая. «О волосах, галошах и том, почему в Залесье даже улика должна быть с характером» 21
Глава седьмая. «По следу крошек, или, как в Залесье даже хлебные крошки умеют водить хороводы» 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Елена К.
Дело о пропавшем кексе Медовый вихрь и подозрительных вещах

От автора. Маленькая оговорка — и большое спасибо!

Всё, что ты прочитаешь: имена, письма, рецепты, тот самый конкурс на самую ровную муку, даже кот с удостоверением «Главный хранитель уголка памяти» — это выдумка. Мельница, которая шепчет, живёт только между этими страницами. Все совпадения с реальными людьми, местами и событиями — чистая случайность.

Но одно — не выдумка: это потребность хранить. То, как мы цепляемся за мелочи: старую пуговицу, записку на обороте, запах свежего хлеба, тихий скрип половиц. Как боимся, что если не сбережём эту деталь, то будто и не было ни человека, ни его заботы, ни его тепла. Вот это — настоящее. И оно есть в каждом доме, в каждой семье, в каждом маленьком посёлке, где помнят, кто когда-то стоял на этом крыльце и смотрел на закат.

Если, читая про Залесье, ты вдруг вспоминаешь что-то своё — ту самую историю, которую не записывали, но она живёт где-то внутри: про старый сундук, про письмо без адреса, про дом, который теперь кажется чуть меньше, чем в детстве, — не обязательно её кому-то рассказывать. Можно просто оставить её там, где ей спокойно: в одной строчке в блокноте, в коротком разговоре за чашкой чая, в том, как ты улыбаешься, когда вспоминаешь.

Спасибо, что пройдешь по этим страницам вместе с мной. Пусть в твоей жизни всегда будет уголок, где живёт память — тёплая, живая и очень своя. ##

Глава первая. «Утро в Залесье, или, почему даже тишина бывает подозрительной»

Город Залесье просыпался так, будто делал это нехотя, через силу, с тяжёлым вздохом и зевком. По утрам он напоминал пожилого дядю, который никак не может найти тапочки: всё вроде на месте, но что-то не так. Асфальт был в трещинах, как морщинки у человека, который слишком много хмурился. Фонари гасли не одновременно, а по одному, будто кто-то невидимый щёлкал выключателями вразнобой. На остановке висел плакат «Добро пожаловать в Залесье — город, где время идёт по расписанию, но никто не знает, по какому».

Аркадий Петрович Плинтус считал, что Залесье — это место, где даже тишина имеет характер. Она тут не умиротворяющая, не благостная, а такая, будто все вокруг договорились не шуметь, чтобы не разбудить что-то важное… или кого-то вредного.

Утро Аркадия Петровича начиналось не с кофе, не с новостей и уж точно не с аффирмаций. Оно начиналось с Барсика. Точнее, с того, что Барсик считал своим долгом в 6:57 утра уронить что-нибудь тяжёлое. Сегодня это была керамическая подставка для ложек. Звук был такой, будто в соседней комнате рухнул шкаф.

— Барсик, — спокойно сказал Аркадий Петрович, не открывая глаз, — если ты уронил что-то ещё, я сделаю вид, что не заметил. Но только если это не моя чашка.

Барсик не ответил. Он вообще редко отвечал словами. Его ответом было «я тут, я голоден, и я главный».

Аркадий Петрович встал, потянулся, посмотрел в окно на серый рассвет и вздохнул. Он переехал из Москвы не потому, что устал от суеты, а потому что понял: в Москве он перестал замечать мелочи. А для детектива мелочи — это всё. В Залесье мелочей было столько, что они буквально лезли под ноги.

На кухне пахло чаем, который заварился ещё вчера, но Аркадий Петрович относился к этому философски. «Чай, который пережил ночь, — говорил он, — знает больше, чем чай, выпитый сразу». Он налил себе чашку, сел за стол и посмотрел на Барсика, который сидел напротив и смотрел на него с выражением «ты же знаешь, что сейчас будет».

— Ладно, — сказал Аркадий Петрович. — Но только половинку. И не смотри на меня так, будто я преступник, который прячет лосось.

Он дал Барсику половинку кусочка лосося, который купил вчера на рынке у тёти Гали. Тётя Галя говорила, что лосось «свежий, как утро понедельника», что, по мнению Аркадия Петровича, звучало скорее как предупреждение.

Пока Барсик хрустел лососем, Аркадий Петрович пил чай и думал о том, что день, скорее всего, будет спокойным. В Залесье спокойные дни были нормой. Преступления тут случались редко, зато слухи распространялись быстрее, чем ветер разносит тополиный пух.

Но спокойствие — штука коварная. Оно как тихая вода: кажется, что всё в порядке, а потом вдруг выясняется, что под поверхностью кто-то строит плотину.

В дверь постучали. Не вежливо, не робко, а так, будто за дверью стоял человек, который очень спешил и при этом был уверен, что его ждут.

Аркадий Петрович вздохнул. Спокойный день только что подал заявление на отпуск.

— Войдите, — сказал он, хотя дверь была закрыта.

Дверь распахнулась с такой силой, что чуть не сорвалась с петель. На пороге стояла Людмила Ивановна Пономарёва, заведующая библиотекой и главный организатор конкурса «Лучший домашний десерт». Она была бледной, как страница из книги, которую забыли на солнце, и держала в руках смятую льняную салфетку с вышивкой.

— Аркадий Петрович! — выдохнула она. — Беда!

— Что случилось? — спокойно спросил Аркадий Петрович, хотя уже догадывался, что ничего хорошего.

— Кекс пропал! — воскликнула Людмила Ивановна. — «Медовый вихрь»! Кекс Надежды Васильевны Кругловой!

Она вбежала в комнату, уронила салфетку на стол и схватилась за голову. Барсик посмотрел на неё с подозрением, будто подозревал, что она пришла не просто так, а чтобы забрать лосось.

— Какой кекс? — уточнил Аркадий Петрович, хотя прекрасно знал, о каком кексе речь. В Залесье сейчас говорили только об одном кексе.

— Тот самый! Семейный рецепт! С мёдом дяди Миши! — Людмила Ивановна почти кричала. — Он стоял на столе, под стеклянной крышкой, как произведение искусства! А теперь его нет! Только эта салфетка и… и галоша!

— Какая галоша? — спросил Аркадий Петрович, чувствуя, что день становится всё интереснее.

— Резиновая! 43-го размера! — ответила Людмила Ивановна, вытирая слёзы краем платка. — Я её нашла рядом с местом, где стоял кекс. И никто не знает, чья она!

Аркадий Петрович посмотрел на салфетку, потом на Людмилу Ивановну, потом на Барсика, который уже успел припрятать кусочек лосося под кресло.

— Хорошо, — сказал он. — Давайте без паники. Сначала чай. Потом — галоша.

Людмила Ивановна посмотрела на него так, будто он предложил вместо расследования устроить чаепитие с пирожными.

— Аркадий Петрович, это же катастрофа! Конкурс сегодня! Жюри уже собралось! Надежда Васильевна в истерике! А Анатолий Семёнович говорит, что это «нарушение дисциплины»!

— Чай, — повторил Аркадий Петрович твёрдо. — Потом галоша. И ещё… вы не видели, случайно, кто-то из участников нервничал больше обычного? Или, скажем, слишком интересовался тем, как выглядит кекс под крышкой?

Людмила Ивановна на секунду задумалась, будто пыталась вспомнить, кто из людей в её жизни нервничал меньше обычного.

— Ваня, сын Надежды Васильевны, всё время крутился рядом, — сказала она. — Говорил, что хочет посмотреть, «как он выглядит вблизи». А ещё Анатолий Семёнович… он всё время трогал стеклянную крышку. Будто проверял, не потеет ли она.

Аркадий Петрович кивнул. Это уже было что-то. Люди, которые трогают крышки, либо очень любопытны, либо что-то скрывают.

— А дядя Миша? — спросил он. — Пасечник. Он был там?

— Был, — кивнула Людмила Ивановна. — Стоял в углу и смотрел на кекс так, будто это не десерт, а бочка с золотом. Сказал: «Если с мёдом что-то не так, я сразу пойму».

Аркадий Петрович сделал глоток чая. Теперь картина начинала складываться. Мотив, возможность, подозрительные взгляды — всё на месте. Оставалось только выяснить, кто из них не просто смотрел, а действовал.

— Так, — сказал он, ставя чашку на стол. — Сначала осмотрим место преступления. Потом поговорим с каждым по отдельности. И… Людмила Ивановна, если увидите, что кто-то слишком активно интересуется галошей — дайте знать.

Людмила Ивановна кивнула, будто наконец-то почувствовала, что дело в надёжных руках.

— Спасибо, Аркадий Петрович, — прошептала она. — Я знала, что вы поможете.

— Не за что, — ответил он. — Но, если вдруг окажется, что кекс унёс кто-то ради мёда… я хочу, чтобы мне об этом сказали сразу. Потому что мёд — это серьёзно.

Барсик мяукнул, будто согласился.

Они вышли на улицу, и Залесье встретило их утренним шумом: где-то лаяла собака, кто-то громко обсуждал погоду, а из пекарни доносился запах свежего хлеба, который делал ситуацию ещё более трагичной — ведь пропавший кекс должен был стать звездой дня.

Аркадий Петрович шёл по улице, смотрел по сторонам и думал о том, что в этом городе даже пропажа кекса — это событие государственного масштаба. И кто-то явно не хотел, чтобы «Медовый вихрь» закружился над Залесьем.

А значит, предстояло выяснить, кто и почему хотел остановить этот вихрь. И, возможно, найти не только кекс, но и того, кто оставил после себя галошу.

Глава вторая. «О дисциплине в выпечке и том, почему крошки — это улика»

Аркадий Петрович и Людмила Ивановна подошли к Дому культуры, и Аркадий сразу понял: паника тут не просто витает в воздухе — она тут прописана и платит коммуналку. У входа стояла группа женщин в тёплых кофтах, они перешёптывались так громко, что это уже было не шёпот, а коллективное заявление в прокуратуру.

— Говорят, кекс унесли инопланетяне! — крикнула одна из них, не понижая голоса. — У них там на кораблях сахара не хватает!

— Или это месть за прошлогодний пирог с капустой! — добавила другая.

Людмила Ивановна вздохнула: — Это Тамара Петровна и Клавдия Степановна. Они знают всё, чего не было, и половину того, что было.

Аркадий Петрович кивнул с видом человека, который привык, что истина рождается не в протоколах, а в беседах у подъезда.

В фойе было шумно, но в кабинете Анатолия Семёновича царила особая тишина — такая, будто даже пыль тут знала своё место. На стене висела фотография хлебозавода в лучшие годы, на столе — стопка тетрадей с аккуратными записями, а сам Анатолий Семёнович сидел за столом, прямой, как линейка, и смотрел на мир с лёгкой усталостью человека, которому каждый день приходится объяснять, что дрожжи — это не магия, а наука.

Барсик тут же запрыгнул на подоконник, обнюхал стопку тетрадей и сделал вывод: «Скучно, но чисто».

— Анатолий Семёнович, — начал Аркадий Петрович, усаживаясь на стул, который, казалось, был специально сделан так, чтобы сидеть на нём ровно пять минут и уходить. — Нам нужно поговорить о пропавшем кексе.

Анатолий Семёнович поправил галстук, который был завязан так туго, будто он готовился к экзамену по строевой подготовке.

— Я уже всё сказал, — произнёс он строго. — В выпечке важна дисциплина. А дисциплина — это когда каждый знает своё место: мука — в мешке, дрожжи — в холодильнике, а кекс — на столе под крышкой. А не… где-то.

— Именно об этом и речь, — спокойно ответил Аркадий Петрович. — Кто-то нарушил дисциплину. И мы хотим понять, кто и зачем.

Анатолий Семёнович нахмурился, будто сам факт нарушения дисциплины оскорблял его лично.

— Если бы я знал, кто это сделал, я бы сам его… научил правильно замешивать тесто.

— А вы никого не заметили? — спросил Аркадий Петрович. — Может, кто-то слишком близко подходил к столу? Или, скажем, трогал крышку?

Тут Анатолий Семёнович слегка покраснел. Не сильно, но достаточно, чтобы Аркадий Петрович мысленно поставил галочку.

— Я проверял крышку, — признался он. — Потому что конденсат — это враг выпечки. Если крышка потеет, значит, температура не та, значит, структура нарушается. Это не любопытство, это контроль качества.

— Понятно, — кивнул Аркадий Петрович. — Контроль качества. А галошу вы не видели? Резиновую, сорок третьего размера?

Анатолий Семёнович посмотрел на него так, будто Аркадий Петрович только что спросил, видел ли он летающую кастрюлю.

— Галошу? В Доме культуры? Это же нарушение санитарных норм! Кто в галошах ходит по сцене?

— Вот и мы пытаемся понять, — мягко сказал Аркадий Петрович.

Тут Барсик спрыгнул с подоконника, прошёлся по столу, оставил пару шерстинок на стопке тетрадей и остановился прямо перед Анатолием Семёновичем, уставившись ему в глаза.

— Ваш кот, — процедил Анатолий Семёнович, глядя на Барсика с подозрением, — нарушает санитарные нормы.

— Он не нарушает, — возразил Аркадий Петрович. — Он собирает улики. Шерсть — это тоже след.

Анатолий Семёнович закатил глаза так, что стало ясно: он считает, что детективы должны работать с цифрами и графиками, а не с кошачьей шерстью.

— Скажите, — продолжил Аркадий Петрович, — а Ваня, сын Надежды Васильевны, он ведь тоже крутился рядом. Вы его заметили?

— Крутился, — буркнул Анатолий Семёнович. — Всё время спрашивал: «А сколько баллов дают за внешний вид?» Как будто кекс — это автомобиль на техосмотре.

— Мотив у него был, — задумчиво сказал Аркадий Петрович. — Приз — сертификат на бытовую технику. Для студента это серьёзно.

— Бытовая техника, — фыркнул Анатолий Семёнович. — Да что она понимает в настоящей выпечке? В моё время призы были — почётная грамота и коробка конфет. И люди гордились!

Тут в дверь заглянула Надежда Васильевна. Она выглядела так, будто за последние два часа прожила ещё одну жизнь — и не самую спокойную.

— Анатолий Семёнович! — воскликнула она. — Вы не видели мою салфетку? Ту самую, льняную, с вышивкой?

— Не видел, — сухо ответил он. — И не ищу.

Надежда Васильевна перевела взгляд на Аркадия Петровича.

— Аркадий Петрович, ну что? Есть какие-то следы?

— Есть, — сказал он. — Крошки. И галоша. И человек, который слишком переживает за конденсат на крышке.

Надежда Васильевна посмотрела на Анатолия Семёновича с таким выражением, будто только что поняла, что он мог быть причастен к чему-то большему, чем просто дегустация.

— Вы… вы что-то знаете? — спросила она, понизив голос.

— Я знаю, что в этом деле слишком много деталей, которые не складываются, — ответил Аркадий Петрович. — Но они сложатся. Обязательно.

Анатолий Семёнович снова поправил галстук.

— Главное, — сказал он, — чтобы порядок был восстановлен. В выпечке, в городе, в жизни. Порядок — это основа.

— Порядок, — повторил Аркадий Петрович, вставая. — Да. Но иногда, чтобы его восстановить, нужно сначала разобраться, кто его нарушил.

Они вышли в коридор, и тут Барсик вдруг замер, принюхался и медленно пошёл к углу, где стояла старая вешалка. Он поскрёб лапой по полу, потом поднял голову и мяукнул — коротко, деловито.

Аркадий Петрович наклонился и увидел на полу крошечную крошку. Не обычную, а с характерным медовым оттенком. И рядом — едва заметный след от резиновой подошвы.

— Людмила Ивановна, — тихо сказал он, — попросите, пожалуйста, чтобы никто не подметал в этом коридоре. Совсем. Даже если очень хочется.

Людмила Ивановна кивнула, будто наконец-то поняла, что расследование — это не про громкие слова, а про крошки и следы.

А Аркадий Петрович подумал, что дело начинает складываться. Осталось только понять, куда ведёт эта крошка — и кто так спешил, что забыл про галошу.

Глава третья. «Теория заговора от Надежды Васильевны, или, как один кусочек кекса может изменить ход расследования»

Надежда Васильевна Круглова жила в доме, который будто специально построили так, чтобы в нём было удобно печь, подозревать и вздыхать. На подоконниках стояли банки с крупами, каждая — с аккуратной наклейкой: «Гречка», «Манка (только для запеканки)», «Овсянка (не путать с перловкой)». В коридоре висели три градусника — «для настроения», как говорила хозяйка. А на кухне пахло так, что даже Барсик, равнодушный к сладкому, тут же забыл про лосось и начал подозрительно принюхиваться.

Аркадий Петрович постучал, хотя дверь была приоткрыта — в Залесье стучали даже в открытые двери, из вежливости.

— Входите, входите! — раздался голос Надежды Васильевны откуда-то из глубины квартиры. — Только осторожно: тут на полу полотенце, я его специально расстелила, чтобы никто не поскользнулся на… ну, на эмоциях.

Они вошли. Надежда Васильевна стояла у стола, в фартуке с вышитыми пчёлками, и выглядела так, будто за последние полчаса успела прожить пять трагедий и одну маленькую надежду. В руках она держала тарелку, на которой лежал аккуратный кусочек кекса — ровно треть, не больше и не меньше.

— Аркадий Петрович, — сказала она, глядя на него с такой серьёзностью, будто вручала государственную тайну, — я испекла новый «Медовый вихрь». По памяти. И теперь мне нужно, чтобы кто-то его попробовал. Потому что если рецепт испортился от переживаний — я этого не переживу.

Барсик издал тихий, но выразительный звук: «Я тоже могу попробовать. Ради науки».

Аркадий Петрович дипломатично отодвинул кота ногой — не грубо, а так, чтобы тот понял: сейчас не время для героизма.

— Надежда Васильевна, — начал он, — прежде чем мы перейдём к дегустации, расскажите, пожалуйста, что вы видели перед пропажей. Кто подходил, кто смотрел, кто слишком интересовался…

Надежда Васильевна всплеснула руками так, что фартук с пчёлками взлетел, как крылья.

— Да все! Все интересовались! Это же не просто кекс, это история семьи! У меня прабабушка этот рецепт в блокноте записывала, а блокнот потом в сундуке хранился, а сундук… ну, неважно. Главное — это наследие!

Она сделала паузу, чтобы Аркадий Петрович успел проникнуться масштабом трагедии, и продолжила:

— Первым был Ваня. Сын мой. Говорит: «Мам, дай посмотрю, как он выглядит». А я ему: «Не смотри, а то сглазишь!» А он: «Мам, я не сглажу, я просто для общего развития». Ну какое общее развитие от кекса? Он же не учебник!

— А потом? — спокойно подсказал Аркадий Петрович.

— Потом Анатолий Семёнович подошёл. И начал эту свою дисциплину разводить: «Крышка потеет… структура нарушается…» Да какая структура, если это душа в тесте! Он вообще всё время на мой кекс косился. У него ведь хлебозавод был — вот и думает, что он тут главный по выпечке. А я вам так скажу: хлебозавод — это конвейер, а домашний кекс — это искусство!

Тут Надежда Васильевна понизила голос и наклонилась к Аркадию Петровичу, будто собиралась раскрыть военную тайну.

— А ещё я думаю, что это заговор.

Аркадий Петрович чуть не спросил «какой заговор», но вовремя сдержался. В Залесье заговоры были делом обыденным — как прогноз погоды.

— Заговор? — переспросил он нейтрально.

— Ну конечно! — воскликнула Надежда Васильевна. — Кто-то хочет уничтожить репутацию нашей семьи! Может, конкуренты из соседнего района. Или тот блогер, который про десерты пишет. Он мне в прошлом году написал в комментариях: «Слишком сладко». А что значит «слишком»? Это же «Медовый вихрь»! Он должен быть сладким!

Барсик сел рядом и посмотрел на Надежду Васильевну с уважением — будто оценил размах теории.

— А дядя Миша? — спросил Аркадий Петрович. — Пасечник. Он ведь мёд давал. Мог он как-то… ну, передумать?

— Дядя Миша? — Надежда Васильевна задумалась. — Да он на мёд не жадный. Он даже лишнюю банку мне отдал: «На всякий случай». Но… знаете, он ведь тоже на кекс смотрел странно. Как будто пытался угадать, сколько ложек мёда я положила. Будто боялся, что я весь его запас в тесто высыпала.

Она вздохнула, взяла тарелку с кусочком кекса и протянула Аркадию Петровичу.

— Попробуйте. Пожалуйста. Мне нужно знать, что рецепт жив.

Аркадий Петрович посмотрел на кусочек. Он не любил сладкое. Его идеалом десерта была тушёная картошка с грибами. Но отказать Надежде Васильевне сейчас было бы всё равно что сказать художнику: «Ваша картина слишком цветная».

Он взял кусочек, откусил — и на секунду мир стал чуть добрее. Кекс был тёплый, влажный, с лёгкой кислинкой изюма и глубоким, тягучим вкусом мёда. Это был не просто десерт — это была маленькая вселенная уюта, в которую хотелось завернуться, как в плед.

— Ну? — затаила дыхание Надежда Васильевна.

— Это… — Аркадий Петрович подбирал слова, чтобы не подвести ни искусство, ни свой принцип «не хвалить сладкое», — это очень убедительно. Рецепт жив.

Надежда Васильевна выдохнула так, будто с её плеч свалился мешок муки.

— Спасибо, Аркадий Петрович. Вы не представляете, как мне это важно.

Барсик тем временем воспользовался моментом всеобщего умиротворения и попытался стащить оставшийся на тарелке кусочек. Надежда Васильевна ловко прикрыла тарелку ладонью.

— Этому — ни грамма! — строго сказала она, но без злобы. — Он у вас и так пушистый.

— Скажите, — продолжил Аркадий Петрович, — а когда вы заметили пропажу? Кто был рядом?

Надежда Васильевна нахмурилась, вспоминая.

— Я отошла на пять минут. Всего на пять! Чтобы поправить скатерть в зале — она всё время сползала, будто сама не хотела, чтобы на ней стояли десерты. А когда вернулась — кекса нет. Только салфетка смята, и эта дурацкая галоша.

— Галоша, — повторил Аркадий Петрович. — Вы её раньше видели?

— Никогда! — возмутилась Надежда Васильевна. — У нас в семье все в тапочках ходят. Даже зимой. Тапочки — это уважение к полу. А галоши… это что-то чужое. Подозрительное.

Тут она снова наклонилась вперёд и прошептала:

— А знаете, что ещё странно? Ваня потом сказал, что видел, как кто-то быстро уходил из зала. Но лица не разглядел. Говорит, тень была.

— Тень, — задумчиво повторил Аркадий Петрович. — В Доме культуры.

— Ну да! — подхватила Надежда Васильевна. — А что, если это был… призрак бывшего директора хлебозавода? Ну, того, который до Анатолия Семёновича был. Говорят, он до сих пор переживает, что завод закрыли. Может, решил отомстить всей выпечке Залесья?

Аркадий Петрович сдержал улыбку. В другом городе такую версию отправили бы в мусорную корзину. В Залесье её записывали в протокол — на всякий случай.

— Мы проверим все версии, — серьёзно сказал он. — Даже призрачные.

Надежда Васильевна кивнула, будто именно этого и ждала — чтобы её теорию приняли всерьёз.

— И ещё, — добавила она, доставая из ящика маленький листок, — я нашла это возле стола.

Она протянула Аркадию Петровичу обрывок бумаги. На нём было написано карандашом: «Не забыть: купить муку и новый противень». Почерк был знакомый — аккуратный, с острыми буквами, будто человек писал, стараясь выглядеть серьёзнее, чем он есть.

Аркадий Петрович молча посмотрел на записку. Это был почерк Анатолия Семёновича.

— Он тут что-то записывал, — пояснила Надежда Васильевна. — Я думала, это про конкурс. А теперь… не знаю.

Аркадий Петрович аккуратно сложил листок и убрал в карман.

— Спасибо, Надежда Васильевна. Это очень важная деталь.

— Ради кекса я готова на всё, — твёрдо сказала она. — Даже на призраков.

На пороге Барсик обернулся и мяукнул — будто прощался с кухней, где пахло мёдом и надеждой.

Когда они вышли на улицу, Аркадий Петрович остановился, посмотрел на серое небо Залесья и подумал: «В этом городе даже пропажа кекса — это не просто пропажа. Это событие, которое задевает всех. И тот, кто его украл, либо не понимал, во что ввязывается, либо как раз очень хорошо понимал».

А Барсик шёл рядом и думал, наверное, о том, что если уж приходится расследовать, то пусть хотя бы в конце дадут кусочек кекса. Но не сейчас. Сейчас — дело.

Глава четвёртая. «О противнях, подозрительных покупках и том, почему в Залесье даже гвозди имеют характер»

Хозяйственный магазин «Всё для дома и огорода» стоял на углу улицы Ленина и переулка Садового так, будто сам сомневался, правильно ли он тут припаркован. Вывеска слегка покосилась, будто устала от тяжести собственных обещаний. Над дверью висел колокольчик, который звенел не мелодично, а с таким надрывом, будто хотел предупредить: «Осторожно, сейчас начнётся разговор про расход материалов».

Аркадий Петрович толкнул дверь, Барсик проскользнул первым — из принципа: вдруг там, где-то завалялся кусочек чего-то съедобного, даже если это пакет сухарей для птиц. Внутри пахло краской, мелом и чем-то ещё — терпким, хозяйственным, будто сама атмосфера тут была настроена на ремонт.

За прилавком стояла Зинаида Марковна — женщина, которая знала о гвоздях больше, чем некоторые люди знают о собственных родственниках. Она смотрела на мир поверх очков, сдвинутых на кончик носа, и казалось, что она одним взглядом может определить, какой молоток тебе нужен: для души или для дела.

— Здравствуйте, Зинаида Марковна, — вежливо сказал Аркадий Петрович. — Не подскажете, не было ли у вас в последнее время покупателя, который брал новый противень?

Зинаида Марковна прищурилась так, что очки чуть не соскользнули.

— Противень? — переспросила она. — А зачем вам противень? Вы же детектив. Вам бы наручники, а не формы для выпечки.

— В этом деле противень может быть уликой, — спокойно ответил Аркадий Петрович.

— Уликой, значит, — протянула Зинаида Марковна и посмотрела на Барсика, будто подозревала, что именно он и есть главный заказчик противня. — Ну, тогда слушайте. Противни у нас берут нечасто. Это не гвозди. Гвозди — это жизнь. А противни… это уже планы.

Она сделала паузу, чтобы Аркадий Петрович успел проникнуться философией хозяйственного магазина.

— Был один, — наконец сказала она. — Вчера. Или позавчера. Точно не скажу, но помню, что он ещё долго стоял и смотрел на ассортимент, будто выбирал не противень, а спутника жизни.

— Опишите его, пожалуйста, — попросил Аркадий Петрович.

— Высокий, прямой, будто его с детства учили стоять по стойке «смирно». В пиджаке, галстук застёгнут до последней пуговицы. И взгляд такой… будто он пришёл не покупать, а проверять, правильно ли мы храним товар.

Аркадий Петрович мысленно поставил галочку: это был Анатолий Семёнович.

— Он ещё, — продолжила Зинаида Марковна, понизив голос, — всё спрашивал: «А у этого бортики высокие? А покрытие надёжное? А выдержит ли температуру?» Я ему говорю: «Вы что, печь собираетесь открывать?» А он: «Нет. Просто… дисциплина».

Барсик в этот момент подошёл к полке с мешками и начал подозрительно нюхать упаковку с древесной стружкой.

— И что он в итоге взял? — уточнил Аркадий Петрович.

— Взял. Прямоугольный, с антипригарным покрытием. Сказал: «Это на случай непредвиденных обстоятельств». И ещё добавил: «В выпечке важна точность».

— А чек у вас остался? — спросил Аркадий Петрович.

Зинаида Марковна фыркнула так, будто вопрос был почти оскорбительным.

— Чек? В нашем магазине чеки — это роскошь. У нас тут доверие. Если человек берёт гвоздь, мы верим, что он его оплатит. Если берёт противень — верим, что у него на то есть причина.

Аркадий Петрович кивнул. В Залесье доверие было не абстракцией, а частью инфраструктуры — как водопровод или автобусное расписание.

— Но я его фамилию знаю, — вдруг сказала Зинаида Марковна. — Он же у нас постоянный. Анатолий Семёнович Воронов. Бывший директор хлебозавода. Я ему ещё в прошлом году скидку делала на набор лопаток — думала, он для внуков. А теперь вот противень…

— Спасибо, Зинаида Марковна, — сказал Аркадий Петрович. — Вы очень помогли.

— Не за что, — буркнула она. — Только если будете его допрашивать, скажите, чтобы он не трогал наши витрины. Он в прошлый раз так на полку с эмалью посмотрел, будто собирался её продегустировать.

На улице Барсик встряхнулся, будто сбрасывая с себя атмосферу хозяйственного магазина, и мяукнул — коротко, по-деловому.

— Думаешь, пора к Анатолию Семёновичу? — тихо спросил Аркадий Петрович.

Барсик посмотрел на него, как на человека, который только что озвучил очевидную истину.

Они шли по улице, и Залесье вокруг жило своей обычной жизнью: кто-то выносил мусор, кто-то обсуждал погоду, а у подъезда сидели две старушки, которые, казалось, знали все тайны города — но только не эту.

— Знаешь, Барсик, — задумчиво сказал Аркадий Петрович, — в этом деле всё слишком аккуратно. Слишком много дисциплины, слишком много «на всякий случай». И слишком много совпадений вокруг одного противня.

Барсик фыркнул — возможно, в знак согласия, а возможно, просто потому, что ему в нос попала пыль.

Когда они подошли к дому Анатолия Семёновича, Аркадий Петрович остановился, поправил воротник и подумал: «Сейчас придётся услышать про дисциплину. Опять. Но теперь у нас есть противень».

Он постучал. Дверь открылась почти сразу, будто Анатолий Семёнович ждал этого стука — или хотя бы готовился к нему.

— Аркадий Петрович, — сдержанно кивнул хозяин. — Проходите. Только… кота, пожалуйста, оставьте снаружи. У меня тут порядок.

— Барсик — часть следственной группы, — твёрдо сказал Аркадий Петрович. — И он не нарушает порядок, он его нюхает.

Анатолий Семёнович вздохнул, но дверь приоткрыл чуть шире.

В комнате пахло не выпечкой, а чем-то строгим — воском для мебели и старым деревом. На столе лежал тот самый противень — чистый, блестящий, будто только что с витрины. Рядом стояла стопка тетрадей с записями, а на стене висела табличка: «Точность — вежливость королей. В выпечке — закон».

— Анатолий Семёнович, — начал Аркадий Петрович, усаживаясь на стул, — мы нашли подтверждение, что вы недавно купили новый противень.

Анатолий Семёнович не изменился в лице. Он лишь слегка поправил галстук.

— Да, — спокойно сказал он. — Купил.

— Для чего? — спросил Аркадий Петрович.

— На случай непредвиденных обстоятельств, — повторил Анатолий Семёнович ту самую фразу, которую слышала Зинаида Марковна.

— Обстоятельств, — медленно повторил Аркадий Петрович. — Например, если понадобится срочно испечь кекс?

Анатолий Семёнович помолчал. Потом посмотрел на противень, потом на Аркадия Петровича — и впервые за всё время разговора в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на смущение.

— Я хотел… — начал он, подбирая слова. — Я хотел показать, что современная технология может быть не хуже старого рецепта. Что дисциплина и точность способны создать шедевр. Не ради победы, понимаете? Ради принципа.

— И вы решили подменить кекс? — прямо спросил Аркадий Петрович.

Анатолий Семёнович опустил голову.

— Да. Но не успел. Когда я открыл крышку… он был такой… такой живой, этот «Медовый вихрь». И я понял, что не имею права его трогать. Я просто… поставил противень рядом, чтобы быть готовым. А потом всё пошло не так. Я уронил крышку, потом галошу надел, потому что пол был скользкий… а потом просто хотел уйти и забыть.

— А галоша? — уточнил Аркадий Петрович.

— Это моя, — признался Анатолий Семёнович. — Я её в подсобке оставил, когда мыл руки. Потом забыл.

Тут Барсик подошёл к противню, обнюхал его и сел рядом, будто охраняя улику.

— Значит, кекса вы не брали, — подытожил Аркадий Петрович.

— Не брал, — твёрдо сказал Анатолий Семёнович. — Но хотел. И это почти то же самое.

Аркадий Петрович встал.

— Спасибо за честность, — сказал он. — Это уже многое проясняет. Теперь мы знаем, что кто-то другой воспользовался моментом, когда все смотрели не туда.

Он вышел на улицу, и Барсик побежал вперёд, будто знал, что расследование ещё не закончено, но уже стало чуть понятнее.

А Аркадий Петрович подумал: «Кекс украл не тот, кто хотел победить. Кекс украл тот, кто знал, что в этот момент все будут смотреть на Анатолия Семёновича. И на его противень».

Глава пятая. «Как судить десерт, которого нет, или Искусство компромисса позалески»

Дом культуры в этот день напоминал не храм искусства, а поле битвы, где оружием служили взгляды, интонации и фразы вроде «А я вам сразу говорила!». В актовом зале, где ещё вчера царила торжественная тишина, теперь витал дух уязвлённого достоинства: члены жюри сидели за длинным столом, выпрямившись так, будто их спины были на экзамене по осанке, и смотрели на Людмилу Ивановну Пономарёву с выражением людей, которых попросили оценить симфонию… по описанию.

Людмила Ивановна стояла перед ними, как полководец перед армией, которая отказывается идти в атаку, потому что «не выдали сапоги». В руках у неё была папка с протоколами, которая к этому моменту уже выглядела так, будто её использовали как веер во время особенно жарких споров.

— Уважаемые члены жюри! — начала она, стараясь говорить твёрдо, но не слишком громко, чтобы не спровоцировать панику. — Мы должны продолжить конкурс. У нас есть другие прекрасные десерты: пирог с вишней, рулет с маком, даже кекс «Утренняя роса» от тёти Клавы…

— «Утренняя роса»? — фыркнул бывший директор хлебозавода Анатолий Семёнович, который, несмотря на недавний разговор с Аркадием Петровичем, всё ещё держался с видом человека, для которого слово «компромисс» звучит как оскорбление. — Людмила Ивановна, «Утренняя роса» — это когда тесто не поднялось, а хозяйка решила, что это художественный приём.

Председатель совета ветеранов, Евдокия Тимофеевна, поправила очки и изрекла с тяжёлым вздохом: — Без «Медового вихря» конкурс — как свадьба без жениха. Можно, конечно, веселиться, но все будут смотреть на дверь и ждать: а вдруг вернётся?

— Он не вернётся! — всплеснула руками Людмила Ивановна. — Кекс исчез! Его нет! Но у нас есть регламент! И в регламенте сказано: конкурс проводится вне зависимости от форсмажоров!

— А в регламенте есть пункт про «пропажу главного экспоната изпод стеклянной крышки»? — ехидно спросил библиотекарь, который в жюри попал как «человек, разбирающийся в текстах», но, видимо, решил, что это даёт ему право сомневаться во всём. — Если нет — значит, регламент не работает.

Тут в зал заглянул Аркадий Петрович. Он не собирался вмешиваться — он вообще предпочитал наблюдать со стороны, как Барсик наблюдает за воробьями: внимательно, но без лишних движений. Барсик, кстати, уже успел найти в углу зала забытую кемто ватрушку и теперь делал вид, что он тут ни при чём, просто «проходил мимо».

— Людмила Ивановна, — тихо сказал Аркадий Петрович, — может, не надо так… рьяно?

— Аркадий Петрович! — воскликнула она, будто увидела спасательный круг. — Скажите им! Скажите, что мы должны судить! Что пропажа кекса — это трагедия, но жизнь продолжается!

Жюри повернулось к нему, как хор к дирижёру. Даже Анатолий Семёнович слегка наклонил голову, будто допускал мысль, что детектив может знать чтото, чего не знает выпечка.

— Я скажу, — спокойно произнёс Аркадий Петрович. — Но сначала ответьте мне на один вопрос. Если мы сейчас начнём судить остальные десерты, вы будете оценивать их честно? Или каждый из вас будет думать: «А вот если бы тут был Медовый вихрь, он бы всё равно победил»?

Евдокия Тимофеевна поджала губы. — Честно? — переспросила она. — Честно — это когда есть с чем сравнивать. А тут… тут мы будем не судить, а утешать. «Не расстраивайтесь, ваш пирог очень пышный!» — а сами будем думать: «Но не Медовый вихрь».

Анатолий Семёнович кивнул. — Именно. В выпечке важна не только текстура, но и контекст. А контекст у нас сейчас — пропажа. И пока мы не поймём, что произошло, любое решение будет… неполным.

Людмила Ивановна схватилась за папку, будто та могла её поддержать. — Но что же нам делать?! У нас же зрители! У нас же репортаж для районной газеты! Они напишут: «Конкурс провалился изза одного кекса!»

— Не напишут, — неожиданно подал голос библиотекарь. — Я сам напишу заметку. Заголовок: «В Залесье исчез шедевр: конкурс приостановлен до выяснения обстоятельств». Звучит даже лучше, чем «Кто испёк самый вкусный кекс».

— Лучше?! — возмутилась Людмила Ивановна. — Да это же позор!

— Это интрига, — возразил библиотекарь с видом человека, который знает толк в заголовках. — Люди любят загадки. Особенно если в них замешаны десерты.

В этот момент Барсик, устав притворяться невидимкой, громко хрустнул ватрушкой. Все повернулись к нему.

— И ещё кот, — добавила Евдокия Тимофеевна. — Теперь у нас есть котсвидетель. Может, он и украл кекс?

Барсик посмотрел на неё с оскорблённым достоинством, будто хотел сказать: «Я уважаю искусство выпечки. Просто эта ватрушка сама прыгнула мне в лапы».

Аркадий Петрович вздохнул. — Давайте так. Мы не будем сейчас судить. Но и не будем расходиться. Пусть каждый из вас напишет на листочке: что бы вы поставили «Медовому вихрю» по пятибалльной шкале, если бы он был здесь. Это не оценка других десертов. Это… гипотетическая оценка идеала.

Анатолий Семёнович нахмурился. — Гипотетическая? Это не по правилам.

— Зато честно, — парировал Аркадий Петрович. — Вы скажете, какой балл вы бы дали шедевру. И если потом окажется, что ктото из участников приблизился к этой планке — вы будете знать, что не просто утешали, а реально оценили.

Евдокия Тимофеевна задумалась. — А если я поставлю пять, а потом выяснится, что кекс был… ну, скажем, слишком сладкий?

— Тогда мы скажем, что у вас высокие требования, — улыбнулся Аркадий Петрович.

После недолгих споров жюри согласилось. Каждый взял листок и ручку. Анатолий Семёнович даже поправил галстук, будто готовился к экзамену. Евдокия Тимофеевна вздохнула и написала: «5. Но только если изюм был без косточек». Библиотекарь задумался и вывел: «4,5. Слишком много традиций, мало инноваций». А Анатолий Семёнович долго смотрел в одну точку, потом решительно написал: «5» и добавил внизу мелким почерком: «При условии соблюдения технологии».

Людмила Ивановна собрала листочки, сложила их в папку и наконецто выдохнула. — Спасибо, — прошептала она. — Хоть чтото. Хоть какаято точка отсчёта.

Аркадий Петрович кивнул. — Теперь мы знаем, к чему стремиться. И когда (а я верю, что когда) «Медовый вихрь» вернётся — или хотя бы станет ясно, что с ним случилось, — у нас будет эта планка.

Они вышли в фойе, где пахло клеем, старыми занавесками и надеждой. Барсик шёл рядом, слегка покачиваясь — видимо, ватрушка оказалась весомее, чем казалось.

— Знаете, Аркадий Петрович, — тихо сказала Людмила Ивановна, — иногда мне кажется, что в Залесье даже пропажа кекса становится общим делом. Потому что если не мы, то кто?

— Именно поэтому мы его найдём, — спокойно ответил он. — Не ради приза. А потому что в этом городе «Медовый вихрь» — это не просто десерт. Это почти как гимн. Его нельзя просто взять и потерять.

А гдето в глубине Дома культуры Тамара Петровна и Клавдия Степановна уже обсуждали новую версию: «Это всё изза противня! Ктото хотел подменить, да не успел!» И, судя по их голосам, эта теория набирала обороты быстрее, чем дрожжевое тесто в тёплой комнате.

Глава шестая. «О волосах, галошах и том, почему в Залесье даже улика должна быть с характером»

Аркадий Петрович стоял в подсобке Дома культуры, где пахло пылью, старым картоном и лёгкой тревогой — будто даже коробки знали, что тут творится нечто подозрительное. В руках у него была та самая резиновая галоша 43го размера — теперь уже не просто странная находка, а полноценная улика. Рядом, на ящике изпод мандаринов, сидел Барсик и смотрел на галошу так, будто подозревал, что она вотвот заговорит.

— Ну, — пробормотал Аркадий Петрович, наклоняясь над галошей с лупой (которую он всегда носил в кармане на случай, если придётся читать мелкий шрифт на этикетках), — давай выкладывай свои секреты.

Он провёл лупой по внутренней стороне галоши — и вдруг замер. На тёмной резине, почти незаметный, лежал одинокий волос. Не кошачий (Барсик тут же фыркнул, будто обиделся, что его не подозревают), не седой, а такой… характерный. Рыжеватый, кудрявый, с намёком на то, что его хозяин явно не дружит с расчёской.

— Ага, — тихо сказал Аркадий Петрович. — Вот ты и попался.

Барсик мяукнул: мол, «я же говорил, что в этой галоше чтото не так».

В этот момент дверь распахнулась, и в подсобку ввалилась целая делегация. Первой ворвалась Тамара Петровна — та самая, что подозревала инопланетян. За ней, чуть отставая, шла Клавдия Степановна, которая знала всё про всех и ещё немного про тех, кого не знала. Следом, стараясь не шуметь, но всё равно производя шум, протиснулся дядя Миша, пасечник, в своей неизменной кепке, изпод которой выглядывали такие же рыжеватые кудри, как и волос в галоше. А замыкал шествие Ваня, сын Надежды Васильевны, который выглядел так, будто хотел быть где угодно, только не здесь, но любопытство победило.

— Аркадий Петрович! — выдохнула Тамара Петровна. — Мы тут подумали: а вдруг кекс… ну, сам ушёл? Бывает же, тесто поднимается, а потом… решает, что ему тесно?

— Тамара Петровна, — спокойно сказал Аркадий Петрович, не отрывая взгляда от галоши, — кексы не уходят. Они либо их уносят, либо они падают в ведро. Третьего не дано.

— А если это магия? — не сдавалась Клавдия Степановна. — У нас же в подвале трубы старые. Вдруг они создают аномальную зону?

Дядя Миша почесал затылок, и тут Аркадий Петрович едва не вздрогнул: кудри дяди Миши были точьвточь как тот волос. Но он сдержался. Сначала — протокол. Потом — выводы.

— У меня тут улика, — сказал он, поднимая галошу. — И в ней… волос.

Все уставились на галошу, будто она вдруг превратилась в хрустальный шар.

— Волос?! — ахнула Тамара Петровна. — Значит, кекс украл человек!

— Или очень умный енот, — буркнул дядя Миша. — У них тоже шерсть бывает.

— Еноты не носят галош, — парировал Аркадий Петрович.

Ваня, который до этого стоял в углу и старался слиться со стеной, вдруг подался вперёд.

— А… а можно посмотреть? — тихо спросил он.

Аркадий Петрович протянул ему лупу. Ваня наклонился, пригляделся — и вдруг побледнел.

— Это… это… — пролепетал он.

— Что? — резко спросил Аркадий Петрович.

— Это волос дяди Миши, — выпалил Ваня. — Я его сразу узнал. У него такие… ну, характерные кудри. Я ему ещё в прошлом году говорил: «Дядя Миша, вам бы стрижку», а он: «А зачем? Пчёлы любят натуральный вид».

Все повернулись к дяде Мише. Тот замер, будто его поймали на том, что он ест мёд прямо из банки.

— Я… я не крал кекс! — заявил он, хотя его никто ещё не обвинял. — Я вообще к нему не подходил! Ну, почти.

— Почти — это как? — уточнил Аркадий Петрович, глядя на него строго, но без злобы.

— Ну… — замялся дядя Миша. — Я хотел просто понюхать. Мёдто мой был. Мне интересно было, как он в тесте себя ведёт. А потом я увидел, что все смотрят на Надежду Васильевну, и подумал: лучше я в тень отойду. А галошу… ну, я её в подсобке оставил. Пол скользкий был, я боялся поскользнуться.

— И вы её не надевали в зале? — спросил Аркадий Петрович.

— Не надевал! — горячо возразил дядя Миша. — Я же не дурак, чтобы в галоше по сцене ходить! Это же… это же неуважение к искусству выпечки!

Тут Барсик, устав от разговоров, подошёл к галоше, обнюхал её, потом посмотрел на дядю Мишу и мяукнул — так выразительно, что даже Тамара Петровна кивнула: мол, кот всё понял.

— Ладно, — сказал Аркадий Петрович. — Допустим, галоша ваша. Но волос — тоже ваш. А кекса нет. Значит, ктото воспользовался тем, что вы оставили галошу, и…

— И подменил следы! — воскликнула Клавдия Степановна. — Это же классика! Как в кино!

— В кино кексы не пропадают, — проворчал дядя Миша.

— Зато в Залесье — да, — вздохнула Тамара Петровна.

В этот момент в подсобку заглянула Людмила Ивановна. Она выглядела так, будто за последние пять минут успела написать три объяснительные, одну жалобу и одно письмо в редакцию районной газеты.

— Аркадий Петрович, — сказала она, переводя дух, — жюри требует срочного доклада. Они говорят, что если мы не найдём кекс до обеда, они объявят конкурс несостоявшимся. А Анатолий Семёнович уже написал заявление: «В связи с утратой объекта оценки, считаю невозможным продолжать судейство».

— Пусть подождут, — спокойно ответил Аркадий Петрович. — У нас тут новая улика.

Он показал Людмиле Ивановне галошу и волос.

— О… — протянула она, глядя на волос так, будто видела перед собой не улику, а начало новой эры. — Значит, это всётаки человек.

— Человек, — подтвердил Аркадий Петрович. — И у нас есть его волос. Осталось понять, как он связан с кексом.

Тут Ваня, который до этого молчал, вдруг сказал:

— А я… я видел коечто.

Все снова повернулись к нему.

— Видел? — переспросил Аркадий Петрович.

— Да, — кивнул Ваня. — Когда я выходил из зала, я заметил, как ктото быстро уходил по коридору. И… у него на куртке были крошки. Такие… медовые. И ещё… он чтото бормотал себе под нос.

— Что бормотал? — спросил Аркадий Петрович, чувствуя, что дело наконецто сдвигается с мёртвой точки.

— Чтото вроде: «Ну вот, опять не по плану…» — неуверенно сказал Ваня. — Но лица я не разглядел.

Тамара Петровна всплеснула руками.

— Это точно заговор! — заявила она. — Ктото специально всё подстроил!

— Заговор изза кекса? — хмыкнул дядя Миша. — Да у нас в Залесье и без заговоров жизнь интересная.

Клавдия Степановна наклонилась к Аркадию Петровичу и прошептала:

— А может, это сам Анатолий Семёнович? Он ведь всё время про дисциплину говорит. Вдруг он решил, что кекс нарушает порядок?

— Порядок нельзя нарушить кексом, — возразил Аркадий Петрович. — Порядок нарушают галошами в неподходящих местах.

Тут Барсик снова мяукнул и пошёл к двери, будто намекая: «Хватит болтать, пора действовать».

Аркадий Петрович вздохнул, посмотрел на всех собравшихся — на Тамару Петровну, которая уже придумывала заголовок для районной газеты; на Клавдию Степановну, которая готова была дать показания против собственной тени; на дядю Мишу, который всё ещё оправдывался за галошу; на Ваню, который наконецто перестал прятаться; и на Людмилу Ивановну, которая держалась из последних сил.

— Так, — сказал он. — Сейчас мы сделаем вот что. Людмила Ивановна, вы соберите жюри и скажите, что у нас есть новая улика и мы близки к разгадке. Тамара Петровна и Клавдия Степановна — вы пройдёте по коридорам и спросите у всех, не видел ли кто подозрительных личностей с крошками на куртке. Дядя Миша — вы пока посидите тут и… не трогайте ничего. Ваня — вы пойдёте со мной. Мы проверим подсобки и кладовки. Вдруг кекс не унесли, а просто… спрятали.

— Спрятали? — переспросил Ваня. — Зачем?

— Чтобы выиграть время, — ответил Аркадий Петрович. — Или чтобы напугать. Или чтобы подставить когото. В Залесье мотивы бывают самые неожиданные.

Они вышли в коридор, и Аркадий Петрович подумал: «В этом городе даже волос на галоше — это не просто волос. Это начало истории. И, возможно, конец этой странной истории с кексом».

А гдето в глубине Дома культуры уже слышались голоса Тамары Петровны и Клавдии Степановны:

— Скажите, вы не видели человека с крошками? — А галошу? Может, он ещё одну потерял?

И казалось, что теперь весь Залесье ищет одинединственный кекс — потому что это уже было не просто расследование. Это было дело чести.

Глава седьмая. «По следу крошек, или, как в Залесье даже хлебные крошки умеют водить хороводы»

Аркадий Петрович и Ваня шли по коридору Дома культуры так, будто ступали по минному полю: Аркадий Петрович — медленно, внимательно, наклоняясь к полу, как человек, который ищет не улики, а смысл жизни; Ваня — нервно, то и дело оглядываясь, будто боялся, что изза угла выскочит сам кекс и скажет: «Ну что, нашли?»

Барсик шёл впереди, время от времени останавливаясь, принюхиваясь и издавая короткие «мяу», которые Аркадий Петрович мысленно переводил как: «Тут было чтото вкусное. Но уже нет».

— Смотри, — тихо сказал Аркадий Петрович, указывая на едва заметную дорожку крошечных медовых крошек. — Они не просто так рассыпаны. Они ведут.

— Куда? — шёпотом спросил Ваня.

— Туда, где ктото очень спешил и при этом очень хотел сладкого, — ответил Аркадий Петрович.

Они свернули в боковой коридор, который вёл к старым подсобным помещениям. Тут пахло не пылью, а историей: старым лаком, мелом и чемто неуловимо тревожным — будто даже стены знали, что тут творится нечто не совсем обычное.

В этот момент изза двери кладовки выглянула уборщица Раиса Фёдоровна — женщина, которая знала о Доме культуры всё, потому что именно она каждую ночь возвращала ему порядок. На ней был синий халат, резиновые перчатки и выражение лица человека, который видел слишком много странного, чтобы чемуто удивляться.

— А, Аркадий Петрович, — сказала она, не удивляясь ни детективу, ни студенту, ни коту. — Опять чтото ищете? В прошлый раз вы искали потерянный сценарий. В этот раз — крошки?

— Не просто крошки, Раиса Фёдоровна, — серьёзно ответил Аркадий Петрович. — След.

— След, значит, — хмыкнула Раиса Фёдоровна. — У нас тут каждый день ктото чтото теряет. То булавку, то совесть. А крошки… крошки я обычно подметаю. Но сегодня не стала. Подумала: вдруг это часть перформанса.

— Это не перформанс, — вздохнул Аркадий Петрович. — Это преступление.

Раиса Фёдоровна посмотрела на крошки, потом на Барсика, который уже пытался лизнуть одну из них, и покачала головой.

— Ну, если преступление — тогда ладно. Тогда не буду подметать. Но если окажется, что это просто ктото ел булочку и не донёс до урны — я обижусь.

Она отошла в сторону, освобождая проход, и тут из соседней комнаты выглянула ещё одна фигура — Зина, молодая помощница режиссёра, которая вечно ходила с папкой, в которой, казалось, хранились все несбывшиеся мечты Дома культуры.

— Ой! — воскликнула она, увидев их. — Вы тоже заметили? Я думала, это реквизит! Мы как раз готовим постановку «Путь крошки», но пока только концепцию обсуждаем.

— Это не реквизит, — спокойно сказал Аркадий Петрович. — Это улика.

— Улика… — протянула Зина, глядя на крошки с таким видом, будто пыталась вписать их в сценарный план. — Тогда, может, их надо снять крупным планом? Для атмосферы?

— Для атмосферы нам нужно найти того, кто их оставил, — сказал Аркадий Петрович.

Крошки вели дальше, мимо комнаты, где хранились старые афиши, мимо шкафа с костюмами, и наконец — к неприметной двери с табличкой «Не входить. Репетиция».

Аркадий Петрович остановился, прислушался. Изза двери доносились голоса — громкие, взволнованные, и один из них он узнал сразу.

— …Я же говорил, что нельзя так резко! — кричал Анатолий Семёнович. — В выпечке важна плавность! А тут — резкий поворот!

— Да какой поворот?! — отвечал ктото другой, голос был знакомый, но Аркадий Петрович не сразу понял чей. — Тут вообще нет выпечки! Тут одни крошки!

— Именно! — снова воскликнул Анатолий Семёнович. — Крошки — это тоже выпечка! Это её… эпилог!

Аркадий Петрович переглянулся с Ваней. Тот пожал плечами: мол, я не знаю, что там происходит, но звучит как репетиция безумия.

Барсик подошёл к двери, поскрёб лапой и мяукнул — коротко, требовательно.

— Ладно, — сказал Аркадий Петрович и постучал. — Открывайте. След привёл.

Дверь распахнулась, и они увидели картину, достойную отдельного спектакля.

В комнате, которая, видимо, служила гримеркой, стояли Анатолий Семёнович и… Надежда Васильевна. Они стояли друг напротив друга, как два генерала перед решающей битвой, а между ними на маленьком столике лежала… половинка кекса. Того самого — «Медового вихря».

Надежда Васильевна выглядела так, будто одновременно хотела обнять кекс, наказать его и немедленно съесть. Анатолий Семёнович — так, будто пытался удержать себя от того, чтобы не начать читать кексу лекцию о структуре теста.

— Так, — спокойно сказал Аркадий Петрович. — Объяснитесь.

Надежда Васильевна всплеснула руками.

— Это не я! — воскликнула она. — Я его нашла! Он лежал в шкафу, за пачкой старых программ! Я хотела отнести вам, но тут зашёл Анатолий Семёнович, и мы… ну, начали обсуждать.

— Обсуждать?! — переспросил Аркадий Петрович.

— Да! — горячо сказал Анатолий Семёнович. — Потому что тут нарушена структура! Видите, бок немного опал? Это значит, что температура была не та! Или дрожжи старые! Или…

— Или ктото его уронил, — сухо закончил Аркадий Петрович.

Тут в комнату ввалились Тамара Петровна и Клавдия Степановна — видимо, шли по тому же следу, но чуть медленнее.

— Ага! — торжествующе сказала Тамара Петровна. — Я же говорила: это заговор!

— Никакой не заговор, — проворчала Надежда Васильевна. — Просто… недоразумение.

Ваня подошёл к столику, посмотрел на кекс, потом на маму, потом на Анатолия Семёновича — и вдруг сказал:

— Мам, а ты не думаешь, что… может, это я виноват?

Все повернулись к нему.

— Ты?! — воскликнула Надежда Васильевна.

— Ну… — замялся Ваня. — Я хотел просто посмотреть, как он выглядит вблизи. А потом… я споткнулся. И вроде бы задел стол. И кекс… он както сам… упал. Я хотел его поднять, но испугался, что ты расстроишься. И я его спрятал. В шкаф. Думал, потом придумаю, как всё исправить.

Надежда Васильевна смотрела на сына так, будто пыталась одновременно его отругать и обнять.

— Ваня… — начала она.

— Но я не хотел портить конкурс! — быстро добавил Ваня. — Честно! Я просто… растерялся.

Анатолий Семёнович вздохнул и поправил галстук.

— Знаете, — сказал он неожиданно мягко, — в выпечке бывает всякое. Иногда кекс падает. Главное — не прятать его в шкаф, а сказать: «Сегодня не получилось. Завтра будет лучше».

Надежда Васильевна посмотрела на него, потом на кекс, потом снова на сына — и вдруг рассмеялась. Не громко, не весело, а так, будто с её плеч свалился не мешок муки, а целая пекарня.

— Ладно, — сказала она. — Пусть будет так. Ваня, ты больше так не делай. А кекс… ну, он хоть и помятый, но всё равно мой.

Аркадий Петрович подошёл к столику, взял половинку кекса, осмотрел её со всех сторон — и вдруг улыбнулся.

— Знаете, — сказал он, — в этом деле было слишком много подозрений. Слишком много теорий заговора. А оказалось… просто человеческая неловкость.

Тамара Петровна нахмурилась.

— То есть инопланетян не было? — разочарованно спросила она.

— Не было, — спокойно ответил Аркадий Петрович. — Зато был Ваня, который очень не хотел расстраивать маму.

Клавдия Степановна покачала головой.

— Ну вот, а я уже заголовок придумала: «Кекс похищен: версия с аномальной зоной».

— Оставьте на будущее, — посоветовал Аркадий Петрович. — В Залесье всегда найдётся чтото загадочное.

Людмила Ивановна, которая всё это время стояла в дверях, наконецто выдохнула.

— Значит, конкурс можно продолжать? — тихо спросила она.

— Можно, — кивнул Аркадий Петрович. — Только теперь у нас будет не просто конкурс. У нас будет история.

Надежда Васильевна взяла кекс, посмотрела на него — и вдруг протянула половинку Анатолию Семёновичу.

— На, — сказала она. — Попробуй. Скажи, что не так.

Анатолий Семёнович замер, будто ему предложили не кекс, а государственную награду.

— Я… я не могу, — пробормотал он.

— Можешь, — твёрдо сказала Надежда Васильевна. — И не читай лекцию. Просто скажи: вкусно или нет.

Он откусил кусочек. Пожевал. И вдруг улыбнулся — так, что даже его галстук будто стал чуть свободнее.

— Вкусно, — сказал он. — Очень.

Надежда Васильевна кивнула, будто именно этого и ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.